

Марина СЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Длинноногая
мишень*

ТЕЛОХРАНЕНИЕ
ЕО
ПОДРОБНОСТИ

2010

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Неслучайный свидетель

«Научная книга»

Серова М. С.

Неслучайный свидетель / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телохранитель Евгения Охотникова)

© Серова М. С.
© Научная книга

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина Серова

Неслучайный свидетель

Глава 1

Ладонь с торчащими в разные стороны пальцами, словно это были иголки кактуса, прилепилась к лобовому стеклу моего тупорыленького, но симпатичного «Фольксвагена», а затем медленно поползла в сторону, оставляя на слегка запыленной поверхности желто-красные разводы. Это была кровь человека, страдающего анемией: количество гемоглобина составляло у него, по – видимому, не более ста единиц или того меньше: этого явно было недостаточно для здоровья молодого мужчины.

Подушечки пальцев были бледно-восковыми, под цвет яблока сорта анис. Из свежей раны сочилась кровь; наверное, умирающие красные тельца не успевали заполнять собой образовавшуюся брешь и остановить кровотечение.

Мне это не понравилось.

Рука исчезла, оставив на стекле грязно-желтые мазки, напоминающие картину молодого художника-авангардиста, зато в открытом окне правой дверцы показалась взлохмаченная голова. Моему взору предстал открытый лиловый рот и полные слез глаза. Человек тяжело дышал, видимо теряя последние силы.

– Помогите!.. За мной...

Фраза оборвалась, едва начавшись, но для меня этого было достаточно. Одно слово «Помогите!» с интонацией, не вызывающей сомнения в ее подлинности, стало сигналом к действию.

Я потянулась к дверце и помогла ей открыться. Мужчина закинул было ногу, чтобы забраться в салон, но поскользнулся и рухнул лицом прямо в подушку сиденья.

Ему повезло: он не наткнулся на что-то более твердое, типа рычага переключения передач, и не разбил нос, но вот коленку ушиб здорово и поэтому громко застонал.

Сегодня ему явно не везло. Я ухватила мужчину за плечики синего легкого плаща и втянула внутрь. Он скользнул в салон автомобиля, словно сосательная конфета, втянутая мощным вздохом в рот.

Мужчина согнулся пополам и зашелся в безудержном кашле. Я протянула руку за его спиной и захлопнула дверцу – не оставаться же ей открытой.

Надо поскорее отъехать от этого места – а находилась я неподалеку от вещевого рынка «Привокзальный».

Итак, сначала уезжаем, а уж потом будем задавать вопросы, что да почему.

Однако даже сняться с места без проблем мне не удалось, потому что дорогу тут же преградил черный джип из племени североамериканских индейцев с черными тонированными стеклами. У нас в России очень популярны «Чероки», хотя в Америке дельцы с международным авторитетом уже давно взяли на вооружение американский боевой вертолет «Ирокез». Я клоню к тому, что и то и другое названия – индейские, а значит, имеют отношение к «тропе войны».

Из джипа никто не вышел, и я подумала, что произошла нелепая случайность, для устранения которой мне придется подать назад и дать возможность владельцу джипа вырваться на свою полосу.

На улицах нашего города часто случается такое – словно наблюдаешь за тараканьими бегами – кто успеет проскочить вперед.

Но не тут-то было. Сзади проскулила белая «Нива», резко затормозив у самых габаритных огней моего «жука».

Еще один таракан. С ума они посходили, что ли?!

Дверцы обоих автомобилей открывались, словно в замедленной съемке, словно их владельцами были зомби, а не люди.

Я ошиблась. Это были люди, но не простые, а со смертоносными игрушками в руках, которые они не выпячивали напоказ, а просто приготовили к использованию, словно это был лишний туз в рукаве карточного шулера.

У меня наметанный глаз, и я знаю что почем. Вот, скажем, у того здоровенного парня в солнцезащитных очках на пол-лица под пиджаком «узи», а у коротышки с мышинным личиком на бедре пистолет с глушителем.

Однако вернемся к сложившейся ситуации.

Человек, который проник на мою территорию, перестал кашлять и поднял было свою взлохмаченную голову, но я ткнула его в четвертый позвонок и снова заставила согнуться в три погибели.

– Убери башку, они уже здесь и скорее всего заметили твое синее лицо!

Надеюсь, я выразилась точно. Если мой попутчик скрывался именно от этих людей, то будем считать, что я в курсе событий.

Я крутанула руль влево с решимостью ковбоя, собирающего воедино разбредшееся стадо. Места для маневра не оставалось, если только не рискнуть и не проехаться по тротуару.

Как назло – а может, и к счастью – милицией рядом и не пахнет. Так всегда: когда она действительно необходима, ни одного патрульного в округе за километр не сыщешь.

Итак, я рискнула: вылетела на тротуар, задев передним крылом бело-голубую тележку-холодильник с мороженым, которую охраняла молоденькая девушка в коротком синем фартучке производства местной фабрики спортивного трикотажа. Тележка ударила продавщицу, та полетела со своей табуреточки и растянулась на асфальте.

Моей следующей жертвой стал дядечка в повидавшем виды демисезонном пальто, набравший в мусорных ящиках порожних бутылок и размышляющий, видно, о том, каким образом он потратит деньги, вырученные от реализации стеклотары. Увы, его мечтам не суждено было сбыться, потому как отчаянный прыжок в сторону спас жизнь ему, но только не посуду, которая выпала у него из рук и покатилась по асфальту. Еще двое азербайджанцев, по всей видимости завсегда таи вокзала, чуть не угодили под колеса моего «жука». И эти разбежались в разные стороны, кидая на меня испуганные взгляды.

Я уже почти вырулила на проезжую часть, но в этот момент левое зеркало заднего вида перестало показывать свои передачи, потому как покрылось паутиной трещин вокруг отверстия, образовавшегося как раз посередине.

– Стреляют, блин! – Я скрипнула зубами от злости, чуть не вывернув наизнанку коронку на коренном зубе. – Что за черт?

Машину сильно тряхнуло – это «Фольксваген» съехал с бордюрного камня. Мой случайный попутчик стукнулся головой о крышку ящика для мелочей, лишь ухнув еле слышно, словно удивленный филин.

Сегодня ему явно не везло. Если к концу дня он не разmozжит себе голову о какой-нибудь почтовый ящик, то можно будет считать, что он родился в рубашке или, как говорят англичане, с серебряной ложкой во рту.

Попутчик зажимал левую руку, перепачканную кровью.

– Рана не опасна? – спросила я. – Пальцы целы?

– Царапина!.. – выдохнул он. – Ничего страшного.

Я стремительно обогнула загромождающую путь транспорту «Ниву» и помчалась вперед, вдоль по улице имени донского казака Степана Разина. Как говорится, на простор речной волны.

Опустив боковое стекло, я попыталась на ходу поправить зеркало, чтобы видеть хоть что-нибудь из того, что делается у меня за спиной. Не получается – куча осколков и все показывают по-разному.

– С тебя зеркало, – процедила я сквозь зубы, обращаясь к попутчику. – Все расходы за твой счет, понял?

– Да, конечно, – кротко согласился человек, откинувшись на сиденье. И впрямь: нельзя же бесконечно находиться в согнутом состоянии и смотреть в пол.

Сначала надо оторваться от погони, если таковая возникнет, а потом задавать вопросы. И, желательно, в спокойной обстановке.

С правой стороны у меня, вернее, не у меня, а у «Фольксвагена» было еще одно зеркало заднего вида, но это не давало мне полного обзора, а значит, в свою очередь, создавало досадные ограничения. Зеркала у немецких машин типа «Фольксваген» были не такие, как наши, отечественные, раздающиеся вширь, а как раз наоборот – удлиняющиеся кверху и вместе с тем достаточно широкие по горизонтали. Правда, один хрен – бьющиеся.

Мне ничего другого не оставалось, как высунуть голову из окна и посмотреть назад.

Так и есть! Джип с «Нивой» маячили позади, постепенно приближаясь к нам.

– Чего это они к тебе прицепились? – спросила я, забыв о том, что собиралась начать разговор несколько позже и в другой обстановке. Потому что простой человеческий разговор меня всегда успокаивал, да и пора уж выяснить, что, черт возьми, происходит.

– Я для них – смертный приговор, – хрипло проговорил мужчина, вглядываясь в зеркало, торчавшее наружи.

Усмешка тронула мои губы.

– Скорее всего наоборот: смертный приговор вынесен нам с вами. Теперь они и меня не оставят в покое.

– Сестричка! – воскликнул лохматый. – Если мы выкрутимся и при этом останемся живы, я отблагодарю вас как смогу, не сомневайтесь! Деньги у меня пока что есть, я для вас ничего не пожалею, клянусь богом!

– Чудак-человек, – процедила я сквозь зубы. – От страха заговариваться начал. Если мы выкрутимся, то это как раз и будет означать, что мы останемся живы.

Хотелось бы надеяться.

Мы вознеслись на мост, который местные власти окрестили «путепроводом». Сейчас будет развилка, перед которой придется выбирать, куда ехать – направо или налево. Направо – будет означать продолжение гонки на приз матушки Смерти, налево – езду на запрещающий знак.

Вот и предстояло немедленно выбирать, что лучше. В любом случае – сдать милиции – более благоприятный исход, чем «полосоваться» с какими-то хулиганами на джипе.

Я поддала газу, дорога пошла под уклон.

– Оторвемся? – с несмелой надеждой в голосе спросил мужчина.

– Попробуем...

Не скажу, что в моем голосе было много уверенности, но в собственные силы я поверила.

Немного сбавив скорость, я повернула... направо.

Затем на пару секунд скрывшись из глаз преследователей за разросшимися кустами мелколистного вяза, я резко ударила по тормозам, развернула машину на сто восемьдесят градусов и снова нажала на газ, направляя автомобиль в тот отсек «прямой кишки», в который был «Въезд запрещен».

Мы проехали прямо под знаком, в просторечии именуемом «кирпич». Я махнула ему ручкой – прости-прощай!

Джип с «Нивой» промчались мимо. Пассажиров «Чероки» я не увидела за черными стеклами, зато просекла, что в белой «Ниве» сидело целых четыре мужика, и все они были обладателями каменно-решительных лиц.

Крутые на тропе войны. Замечательно!

Мой маневр не остался незамеченным. Вернее, на меня не обратили бы внимания в том случае, если бы моей путеводной звездой не был знаменитый «кирпич». Преследователи не дураки и тоже знают правила дорожного движения, поэтому от их внимания никак не может укрыться машина, едущая в запрещенном направлении.

Моей маленькой целью было выиграть время, хотя бы несколько секунд, и я этого достигла. Пока джип с «Нивой» замедляли ход и разворачивались, мы постарались скрыться из виду.

– Выгляни, посмотри, что там, – попросила я своего случайного попутчика.

Тот кое-как опустил боковое стекло и высунул голову.

– Никак не могут развернуться. Идущий следом поток машин не дает. Едут аж в три ряда. Значит, еще несколько лишних секунд у нас в запасе есть.

Повезло? Пока трудно сказать.

Встречные водители отчаянно жестикулировали, глядя на мою машину, некоторые провожали «Фольксваген» недоуменными взглядами.

Мы поравнялись с трехэтажным зданием средней школы, покрашенным в серо-красные тона, и я завернула на школьный двор.

– Что ты делаешь?! – закричал от неожиданности попутчик, все время обращавшийся ко мне только на «вы». – Это ловушка!

– Все под контролем, – невозмутимо ответила я, проехав напрямик до конца асфальтовой дорожки и оказавшись перед двумя металлическими гаражами, неизвестно кому принадлежащими. Крутанув руль, я заставила машину заехать за гаражи, и она благодаря этому стала невидима для преследователей.

Остановив машину, я заглушила двигатель.

– Здесь нас никто не будет искать. Во всяком случае, пока.

Прислушавшись, я уловила рев двигателей, удалявшихся в ту сторону, куда намеревались прорваться и мы, пока неожиданно не свернули. Очевидно, джип с «Нивой» продолжают испытывать судьбу, мчась по встречной полосе.

Теперь я смогла рассмотреть мужчину в своей машине более внимательно.

Ему было лет сорок или чуть меньше; волнистые волосы с проседью, мечтавшие об общении с расческой; слегка вдавленный широкий нос, серые глаза, узкий выбритый подбородок, красноватый цвет лица. Он, в свою очередь, изучал меня и, по-видимому, остался доволен созерцанием.

– Как я поняла, вам нужна помощь квалифицированного телохранителя? – спросила я.

– Пожалуй, да... – немного подумав, сказал человек. – В данный момент другого выхода у меня нет.

– Вам повезло, потому что я именно тот специалист, который вам необходим. Евгения Охотникова, бодигард. Хочу напомнить, услуги платные.

– Это мне понятно, и вполне устраивает, – произнес мужчина. – А что такое «боди»... Как вы сказали?

– «Боди» в переводе с английского означает «тело». Всего-навсего. Это ваше тело, а я его охраняю, то есть делаю «гард». Понятно?

– Да, конечно, – кивнул мужчина. – Я не силен в английском. Вот у меня был друг, так он знал его в совершенстве. Я сначала подумал, что...

Интересно, о чем можно было подумать, как не о... А по-моему, он просто прикидывается тюфяком: даже двоечник-школьник по английскому сейчас знает, что такое «бодигард».

– Так вы меня нанимаете?

– Да.

Люблю, когда все коротко и ясно.

– Тогда продолжим разговор. Мне нужно знать, какие у вас проблемы и чего бы вы хотели от жизни. Все подробно, насколько это возможно. Я нелюбопытная, но люблю копаться в деталях. Начнем с имени. Итак, вас зовут?

Глава 2

Николай Лосев родился в шестидесятом году в ничем не примечательной семье, где он был вторым ребенком. Родители – простые трудяги, каких миллионы; мать – миловидная хрупкая женщина, с живым огоньком в карих глазах – трудилась на должности инженера-сметчика, отец – крупный мужчина с солидным животиком с пудовую гирию – посвятил себя рабочей профессии маляра-штукатура.

Старший брат Андрей рос крепким мальчуганом с железными кулаками и не упускал случая влепить затрещину-другую маленькому Кольке, дабы приобщить себя к важному и нескончаемому процессу воспитания.

Вам покажется, что мне, Евгении Охотниковой, больше нечего делать, как только пересказывать чью-то биографию. Но очень скоро вы, уважаемый читатель, поймете, что я ничего не делаю зря.

Итак, продолжим.

В школу маленький Колька пошел, когда ему еще не исполнилось и семи, а в классе оказался самым маленьким по росту. Это создавало некоторые трудности, потому что каждый, кто был хотя бы на вершок выше, считал своим долгом замахнуться на крошку. Этого он почему-то боялся больше всего и в таких случаях зажимывал глаза. Вот такой комплекс, который с годами стал развиваться, что называется, вширь и вглубь.

Несмотря на маленький рост, мальчик, как и старший брат, был крепышом. На перекладке подтягивался столько, сколько в школе никто не мог, – двадцать четыре раза подряд.

Естественно поэтому, что он стал лучшим по физкультуре и участвовал во всех школьных соревнованиях, включая гимнастику, стрельбу из пневматической винтовки и бег на длинные дистанции.

После окончания десятилетки, имея в аттестате одни четверки и пятерки, Николай Лосев подал документы в пединститут на факультет физического воспитания, который закончил в восемьдесят первом, и стал работать в средней школе учителем – педагогический стаж Николая Лосева начал свой отсчет.

Неопытностью молодого специалиста не преминула воспользоваться администрация школы и назначила его классным руководителем в 7-й «Д» класс, где учились в основном разболтанные и нахальные пацаны и девчонки. Учитель физвоспитания в качестве классного руководителя – по нынешним временам явление редкое и случайное. Обычно эти должности несовместимы.

7-й «Д» ни у кого в школе не вызывал восхищения: мало того – преподаватели дружно отказывались руководить этим, по их словам, «сборищем придурков и проституток», поэтому появление в школе Лосева оказалось весьма кстати, и он не успел оглянуться, как оказался в роли классного наставника.

Начались кошмарные будни, которые изобиловали разборками по поводу постоянных прогулов учеников, курением в стенах школы и за ее пределами, а также массовыми срывами уроков. Со всем этим Николаю надлежало бороться, нередко в ущерб занятиям в других классах, которым ничего не оставалось, как быть предоставленными самим себе и всей грудью вдыхать разгульный воздух свободы.

Однако вскоре в судьбе Николая произошел решительный перелом, который случился благодаря одному человеку, сыгравшему важную роль в моем повествовании. Но этот момент еще впереди.

Как-то Лосев, замотанный в доску и почти потерявший веру во все человечество, зашел в кабинет к своему товарищу, молодому учителю английского языка, который был на три года старше его. Англичанин тоже, как и Николай, небольшого росточка, с «портретом», который

отличали пронизательные голубые глаза – глаза человека, повидавшего жизнь, изящные тонкие пальцы на руках и усики над верхней губой.

Лосев уселся на стол и устало спросил:

– Сергей, что мне делать? Посоветуй.

– Что, возникли проблемы?

– Огромные! Зачем спрашивать, будто сам не знаешь?

– Начни с родителей.

– Как?

– Если они будут осуществлять глобальный контроль за своими детишками, дела пойдут совсем по-другому.

Николай хмыкнул.

– На собрание являются от силы десять человек.

– Сзови собрание еще раз, а тем, кто не придет, пошли домой телеграмму.

Николай послушал совета друга.

Десяти папочкам, которые не соизволили предстать пред ясными очами классного руководителя, Николай отправил спешные послания домой. Надо сказать, что в числе тех, кто проигнорировал собрание, были весьма заметные люди – начальники отделов заводов, работники исполкомов и даже один доцент политехнического института.

На следующий день телефон директора обрывался от тревожных звонков: начальнички пытались выяснить, что произошло в классе, где учатся их дети. Директор школы, женщина предпенсионного возраста с широкими плечами, пышной седеющей головой и волевым мужским взглядом, отвечала, что не в курсе, очевидно, их желает видеть классный руководитель.

– Вы еще не знакомы с Николаем Алексеевичем? Как! Это же руководитель вашего 7-го «Д» класса!

Еще через день кучка хорошо одетых, упитанных родителей смущенно тосковала у дверей спортивного зала, где Лосев проводил аудиенцию. Неподалеку готовилась в любую минуту зарыдать в три ручья команда девиц и пацанов, чьи родители обычно плевали на заботы преподавателей, а теперь пристыженно готовились предстать пред ясные очи молоденького учителя, проработавшего в школе без году неделю.

Николай, в черном костюме, белоснежной рубашке и коричневом галстуке в серый горошек, встретил гостей с вежливой улыбкой и подчеркнутым вниманием.

За детишек взялись. С этого момента они начали выполнять домашние задания, носить в школу учебники и заводить тетрадки по всем предметам.

Вскоре Николай прибежал к своему другу, Сергею Фадееву, за другим советом.

– Все равно гуляют! После третьего урока в классе остается чуть больше половины учеников. Что делать? Серега, помогай, у тебя светлая голова, тебе только мафией руководить.

Учитель английского скромно промолчал и охотно поделился секретом:

– После третьего урока выходи в холл, стой возле выхода из школы и просто с кем-нибудь разговаривай, не показывая, что ты оказался там не случайно.

Николай поступил точно так, как советовал приятель.

После третьего урока он появлялся в коридоре и, стоя у выхода из школы, мило беседовал с кем-нибудь из коллег, нянечек или просто учеников, которые в этот момент оказывались рядом. Краем глаза он наблюдал, как по ступенькам вниз со второго этажа к выходу подтягивается компания учащихся из его класса с явным намерением покинуть стены школы чуть раньше, чем это полагалось.

Собственно, Николай ничего особенного не делал, а просто стоял и разговаривал. Но никто из птичек, намеревавшихся упорхнуть, не осмелился пройти мимо классного руководителя, чтобы потом исчезнуть за дверью школы.

Вскоре звенел звонок на следующий урок, и незадачливым лентяям ничего не оставалось, как идти в кабинет, где их ждал учитель.

Постепенно с наглыми и злостными прогулами было покончено. Обстановка понемногу нормализовывалась.

Лосев не устал расшаркиваться перед своим товарищем:

– Только благодаря тебе, Сергей, я вздохнул свободно. Огромное тебе спасибо!

Фадеев скромно отводил в сторону голубые глаза и делал вид, будто ничего значительного не произошло.

А школьная жизнь шла своим чередом. Набирала обороты так называемая школьная реформа, самой замечательной стороной которой было повышение зарплаты. При желании учитель мог зарабатывать от двухсот пятидесяти до трехсот рублей в месяц, что, надо признаться, становилось неплохим подспорьем в любые времена...

Слушая рассказ Николая, я никак не могла привыкнуть к цифрам, потому что рубль тогда, в восьмидесятых, был совсем другим.

Так вот, Николай стал подумывать о том, чтобы завести семью, и в восемьдесят пятом году семья Лосевых сыграла свадьбу. Молодая супруга Татьяна обладала пышноватыми формами, белесыми бровями на миловидном личике и маленькой родинкой на носу, что можно было расценить как пикантность.

Прошло положенное время, и у Лосевых появилось один за другим двое ребятишек – старшая девочка Наташа, похожая на мать, и младший сын Алексей, копия отца.

В истории, о которой я рассказываю, жена и дети Лосева в свое время также сыграют свою роль.

Наступил злополучный девяносто второй год.

Учительская зарплата стала резко отставать от прожиточного минимума, и Николай начал подумывать о дополнительном приработке. Первое, что пришло ему на ум, это уличная торговля.

Маленький бизнес по продаже сигарет тут же вызвал неприятности – наехала братва. Николаю предложили или делиться, или исчезнуть со своим бизнесом навсегда, в противном случае пообещали «отшибить бошку». Именно так выразились прыщавые сосунки с короткими стрижками, делая ударение на первый слог и произнося слово «бошку» через букву «О».

Лосеву пришлось подчиниться: он почувствовал, что дело может закончиться для него плачевно.

Вещевой рынок тоже принял Николая неласково. Каждый торгующий думал лишь о собственных доходах, а поскольку народ хронически страдал от параноидальной инфляции, то его платежеспособность была, мягко говоря, никакой. Распродав по дешевке кое-какие детские вещи, дабы вернуть свое с небольшой прибылью, Николай, злой и расстроенный, вернулся домой.

Набирал мощь криминал, основательно подпитанный антиалкогольной кампанией и доходами от рэкета, разборки начали происходить почти на глазах у случайных прохожих. Работать в таких условиях было крайне сложно, тем более в одиночку.

Шли годы.

В системе образования возникли большие проблемы.

Почти за семь лет антинародных экспериментов рождаемость в стране резко упала, и количество учащихся, а соответственно – и классов в школах стало сокращаться. Падала нагрузка, и учителя косо посматривали друг на друга, как конкурент на конкурента, отнимающего заработок у своего коллеги.

Директора, почувствовавшие большую власть при полном государственном безвластии, не слишком-то церемонились со своими подчиненными. При распределении нагрузки на сле-

дующий год предметников вызывали в кабинет и предлагали кабальные условия: или бери положенные тебе по закону восемнадцать часов в неделю, или выметайся из школы.

Некоторых учителей такое положение не устраивало, и они на прощание громко хлопали дверью.

Одним из первых ушел из школы Сергей Фадеев.

– Чем будешь заниматься? – спросил его Николай.

– Бизнесом, – уклончиво ответил учитель английского.

И пропал на какое-то время из поля зрения Лосева.

Вскоре и Николая сократили из штата – ему просто предложили покинуть стены школы.

Вот так Лосев превратился в обыкновенного российского безработного, встал на учет на бирже труда, постоянно суеился насчет работы.

Курсы перепрофилирования предлагали столь же малооплачиваемую специальность, а средств на то, чтобы обучиться специальности типа референта, у Лосева не было, к тому же он не владел ни одним языком. В чем я лично уже успела убедиться.

Предлагали работу охранника в частной фирме, но у Николая появился неизвестно доселе откуда взявшийся комплекс, который внушал ему отвращение к подобному роду деятельности. Конечно, этот комплекс жил в нем, не умирая, еще со школьных времен, когда, бывало, местная шпана заводила мальчиков в туалет, выворачивала карманы, отбирая деньги, и била по лицу. С тех пор при виде такой шпаны у входа в школу Николая начинала бить дрожь. Это как неизлечимая болезнь, хотя теперь Лосев мог спокойно и без последствий шугануть хулиганье со школьного порога. Так что работа охранника для Николая была просто психологически несовместима с его внутренним состоянием. Неизвестно почему, пусть с этим разбирается психолог, но его больше бы устроила – смешно сказать – работа шпиона, который подсматривает за людьми в замочную скважину.

Я рассказываю вам, читатель, все это не для того, чтобы занять ваше время, а лишний раз напомнить, как мало мы еще знаем о глубинах человеческой души и ее тайнах. Как оказалось впоследствии, все эти моменты, связанные с тайниками души Николая, были далеко не случайными в его жизни и сыграли свою роковую роль в деле, обрушившемся на меня, – звенья одной цепи, если можно так выразиться. А короче: куда ни кинь, всюду клин...

Положение спасала зарплата Татьяны, которая изо всех сил цеплялась за работу бухгалтера в одной фирме, которая не слишком шикавала и не могла гарантировать своим работникам хорошего заработка, однако денег этих хватало только на то, чтобы прокормить кое-как семью.

И вот тогда Николаю пришла в голову одна сумасшедшая идея.

Глава 3

– Так куда вас отвезти? – спросила я.
– Домой... – вздохнул мой попутчик.
Я покачала головой.
– Вы уверены?
– А что?
– Спорю на доллар, что сейчас у подъезда вашего дома стоит серая «Ауди», а в ней засели те, кто очень сильно жаждет вашей крови.
Николай помотал головой.
– Они не знают, кто я.
– А если знают?
– Нет, это невозможно.
– Почему?
– Я был очень осторожен.
Да, слишком самоуверен. И наверное, лучше не разубеждать, не то наша беседа превратится в ожесточенный спор. Кстати, говорят, что клиент всегда прав. Или я не права?..
– Хорошо, отвезу вас домой.
Я открыла дверцу автомобиля.
– Куда это вы? – разволновался вдруг Лосев.
– Проверить обстановку. Было бы неразумно выезжать из укрытия на машине, которую сразу можно опознать.
– Думаете, они неподалеку? – встревоженно спросил Николай.
Я пожала плечами.
– Возможно, нет, но проверить надо обязательно.
Клиент схватил меня за рукав.
– Вас узнают!
– Вряд ли, – я подождала, пока он разожмет пальцы. – Они видели машину, но, сомневаюсь, что хорошо запомнили мое лицо.
Николай провел рукой по двухдневной щетине на остром подбородке.
– Ну, если так...
Я посмотрела на его окровавленную руку.
– Что у вас там?
Лосев осторожно приподнял руку: пуля скользнула по костяшке указательного пальца, содрав кожу и оставив белесый след. А может, это выглядывала сама кость, не знаю, во всяком случае, кровотечение прекратилось.
Я достала автомобильную аптечку.
– Сумеете оказать себе медицинскую помощь?
Николай кивнул.
– Попробую...
И приступил к делу.
Я осторожно, не хлопая, прикрыла дверцу автомобиля и направилась к проезжей части, тут же наткнувшись на двух шестиклассников, собравшихся покурить за гаражами.
– А ну, марш отсюда!
Курят все, кто ни попадя. Но мне это совсем не нравится.
Пацаны резво развернулись и улепетнули прочь, подхватив свои рюкзаки.
Во дворе еще стояло несколько мамочек, пришедших в школу за своими малышами, потому что стрелка часов приближалась к тому часу, когда должен был закончиться последний,

четвертый, урок. Я остановилась неподалеку и сделала вид, что принадлежу к той же категории ожидающих граждан.

Может быть, когда-нибудь, в будущем, мне тоже придется вот так же стоять на школьном дворе и ждать сына или дочку, когда он или она будут выходить из дверей своей альма-матер. Не вечно же мне заслонять грудью клиентов, которые постоянно влипают в разные неприятности, до которых мне, откровенно говоря, и дела-то нет. В конце концов, скоплю приличный капитал и заведу нормальную семью. Как у всех. Только муж у меня будет не охранник и не военный, и не милиционер, а какой-нибудь... писатель. Я расскажу ему о своих былых похождении, сидя с вязаньем в руках, а он будет аккуратно переносить на бумагу мои бесценные истории.

Делая вид, что поглощена ожиданием, я незаметно прошупывала взглядом окрестности, пытаясь убедиться, что нас благополучно потеряли из виду и не будут пытаться искать.

Проторчав на школьном дворе минут пять, я решила вернуться к машине. Но какое-то непонятное предчувствие заставило меня замедлить шаг и бросить взгляд через плечо. Я увидела черный джип – «Чероки», который медленно двигался вдоль тротуара, словно «Летучий голландец».

Как мне показалось, он прочесывал местность, пытаясь обозначить наш след. Белой «Нивы» видно не было, но это могло означать лишь то, что она заняла позицию где-то невдалеке.

Я медленно отвернулась, потом не торопясь обошла, как бы гуляя, разговаривающих женщин и встала так, чтобы наблюдать за происходящим.

Окно джипа было открыто, и я увидела круглолицего парня, который внимательно осматривал окрестности, то есть городскую серость.

Вне всякого сомнения, пассажиров джипа заинтересовал тот факт, что мы почти молниеносно и бесследно исчезли из вида. Дальше по улице укромных уголков не было, значит, мы могли затеряться где-то здесь поблизости и нигде более.

Лично я на их месте подумала бы именно так.

Джип медленно проехал мимо, и я вздохнула с тщательно скрываемым облегчением, чтобы никто не догадался, что у меня на душе.

Я хотела вернуться к своей машине, как вдруг снова увидела черный джип. Они дали задний ход и вернулись на то самое место, на котором только что тормозили.

Черт!

Их было четверо. Сквозь тонированные стекла ничего нельзя было рассмотреть, но когда открывались дверки, все стало отлично видно. Один сидел в машине, а трое других медленно направились напрямик к гаражам; видно, догадались, что там можно было найти укромный уголок, чтобы скрыться с глаз людских.

Сейчас они обнаружат мой «Фольксваген», в котором страдал от неизвестности Николай Лосев, и начнут палить из пистолетов.

Надо было что-то немедленно предпринимать.

Но что именно?

Я лихорадочно соображала, в кого бы мне превратиться, и, наконец... выход найден!

– Молодые люди!

Все трое, не успев добраться до гаражей, обернулись на мой возглас.

– Вы это к нам обращаетесь? – спросил круглолицый парень, несколько минут назад еще сидевший рядом с водителем черного джипа.

– Да, к вам. Что, собственно, вы тут делаете?

Тяни время, Женька! Тяни! И одновременно думай, думай, *думай!*

– Вы кто будете, девушка? – поглядел на меня пристально худощавый мужчина с землистого цвета лицом.

– Я... заместитель директора школы по хозяйственной части. – Врать так понахальней! – Это подведомственная территория, и я хочу знать, кто по ней разгуливает и с какими намерениями.

Трое разглядывали меня, будто не хотели верить в сказанное. И в самом деле – перед ними стояла молодая, надо признаться, довольно привлекательная девушка, в фирменных дорогих джинсах и легком плаще. Такие в завхозы не идут, скорее – в содержанки. При всем своем апломбе завхозы получают немного – кто станет мотать нервы за гроши? Хотя мир уже давно перевернулся вверх тормашками: сегодня ты герой, а завтра – в груди с дырой.

Если хотите знать, то некоторые завхозы считают себя выше и круче, чем директор. Про одну такую особу мне рассказывала как-то тетя Мила, работавшая в одном из домов пионеров и школьников и не пропускавшая ни одного мероприятия, сидя всегда в первых рядах. А потом «вправляла мозги» бедным педагогам, типа «ты плохо провел праздник», «у тебя слишком мудреный сценарий», «а тебе надо приходить на подобные мероприятия в другом костюме, этот староват». Директор молчит, а эта мымра знай пускается во все тяжкие... Так что выдать себя за сплав нахальства и тупости дело немудреное.

– Мы, в общем-то, из милиции, – вдруг заявил высокий мужчина с красными воспаленными глазами, будто занимался сваркой без защитной маски.

Этот прикол нам тоже знаком!

– Будьте добры, покажите удостоверение.

Сейчас они у меня попляшут! Хорошо, что у завхоза нельзя спросить документ, удостоверяющий личность: его просто не существует в природе.

Я была жутко удивлена, когда красноглазый полез во внутренний карман пиджака и достал под стать лицу красные корочки. Блин, кажется, номер не прошел!

– Вот, пожалуйста, – створки раковины-удостоверения раскрылись, и мне были продемонстрированы чернильные внутренности.

– Можно посмотреть поближе?

– Будьте добры.

Я взяла удостоверение из рук красноглазого и принялась рассматривать его. Как говорил Остап Бендер, при современном развитии печатного дела на Западе... Однако удостоверение было подлинным, так мне показалось при беглом ознакомлении с ним. На всякий случай я запомнила имя: Пелешенко Владимир Николаевич.

Пришлось вернуть корочки, скрипя про себя зубами. Надо же, все-таки влипла!

– Можно посмотреть документы у остальных? – Я решила идти ва-банк, сдаваться еще рано.

Все трое переглянулись.

– Да в чем, собственно, дело? – развел руками Пелешенко. – К нам поступила ориентировка на преступника, мы обследуем территорию, на что имеем полное право, особенно после того, как в нескольких городах произошли террористические акты.

Я усмехнулась про себя. Эта ссылка притянута за уши. Скоро начнут пачками издаваться детективы на темы терактов, так наши авторы любят делать моду из людского горя.

– Тем не менее я хотела бы ознакомиться с их документами.

Двое остальных молча стояли и смотрели на меня.

– У нас в данный момент нет удостоверений, – сказал круглолицый, – мы их сдали в отдел кадров для продления сроков действия.

Молодец, нашел, что ответить! А по-моему, документов сотрудников УВД у этих двоих никогда и не было.

– Вы удовлетворены? – спросил Пелешенко.

Что делать дальше – ума не приложу. И вдруг решение пришло.

– Я пойду с вами, – твердо заявила Евгения Охотникова, выступающая в роли завхоза средней школы. – В конце концов, имею полное право.

– Пожалуйста... Это будет даже лучше, чтобы не было лишних разговоров.

Трое решительно повернулись и направились к гаражам. Я засемила следом.

Коли постараться, то я вырублю всех троих, если произвести неожиданное нападение сзади. Но вот бить мордой об асфальт сотрудника милиции... Это означает накликать на себя крупные неприятности. Хотя некоторых таких сотрудников стоит ударить маковкой об асфальтовое покрытие, и не один раз.

И все-таки я приготовилась к нападению. Если милиционер в сговоре с преступниками, я сумею защитить наши права в суде.

Бандиты зашли за гаражи и, переглянувшись, направились напрямик к моей машине.

Сейчас они увидят Николая и...

Я занесла руку для удара и в последнюю секунду увидела, что в «Фольксвагене» никого нет!

Вот, блин!

Ситуация изменилась, может быть, сейчас пойдет другая игра?

Я словно в воду глядела.

Трое повернулись ко мне, и Пелешенко спросил:

– Вы не знаете, чья это машина?

Я хотела сказать, что не знаю, но почему-то утвердительно кивнула.

– Директор школы позволяет одному из своих друзей оставлять ее здесь.

Круглолицый и парень с землистого цвета лицом шустренько осмотрели автомобиль и долго пожимали плечами. Для меня тоже было загадкой, куда делся Лосев, но в данный момент его исчезновение сыграло нам на руку и, можно сказать, спасло от выстрела в переносицу.

Продажный мент буравил меня взглядом.

– Понятно! – процедил он. – Тогда скажите, кому принадлежат эти гаражи?

– Ясно кому, – по-простому заявила я, – школе, конечно.

– Эта машина давно здесь стоит?

– С самого утра.

– И никуда не выезжала?

Я выпатила нижнюю губу и наклонила голову влево.

– По-моему... никуда.

Пелешенко подошел к моей машине и положил руку на то место, где был радиатор.

– Еще теплый, – произнес он, укоризненно глядя на меня.

Мне ничего не оставалось, как пожать плечами, подняв глаза к небу.

– Ничего не могу сказать, у меня своих дел навалом – целая школа на моей шее. Если хотите, осматривайте территорию дальше, а я пошла.

Однако рано я собралась исчезнуть со сцены, потому что Пелешенко взялся за ручку дверцы и дернул ее.

Дверца открылась.

На моем лице не дрогнула ни одна жилка, хотя мне было неприятно, что какой-то гад лазает по моей машине.

Мент заглянул внутрь, хотя и так было ясно, что в машине никого нет.

– Странно, машина не заперта, сигнализация не работает. Как можно это объяснить?

– Понятия не имею! – произнесла я. – В принципе это не мое дело. У машины есть хозяин, пусть сам думает, запирать ему автомобиль или не запирать.

– Все ясно, – подал голос круглолицый. – Здесь никого нет.

Однако этот паразит Пелешенко никак не желал успокаиваться и обошел вокруг «Фольксвагена». Затем вытащил из кармана записную книжечку и записал номер машины.

Это мне совсем уж не понравилось. Номер все равно что адрес, а своего адреса я бандитам не даю. Тем более что это не совсем мой адрес, там проживает моя добрейшая тетушка Мила, которая в данный момент понятия не имеет о том, где я и что со мной.

– Что здесь происходит?! – внезапно послышался требовательный голос за моей спиной.

Мы все – и бандиты, и телохранители – обернулись словно на крик «Пожар!» и увидели мужчину лет сорока с седыми висками в форме охранника. На его представительской карточке, которую он предъявил, было напечатано:

ОХРАННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «МАРШАЛ»

Надо же, прямо как на Диком американском Западе, где маршалы отвечали за порядок в городках, выросших в живописных местах посреди прерии!

Сейчас ни одна школа не обходится без охраны, и что самое интересное, фирмы эти – все как одна – принадлежат частным лицам. В последнее время, мне кажется, ужас на жителей наших городов нагоняется не без помощи этих самых «Маршалов», «Шерифов», «Викингов», «Сириусов»... И чем больше наши люди будут бояться, тем больше работы будет у подобных охранных фирм. Прости меня, господи, если я не права!

Пелешенко заученным движением полез во внутренний карман пиджака и достал уже знакомое мне удостоверение.

– Мы с вашим завхозом осматриваем территорию.

И ткнул пальцем в меня.

Я поняла, что сейчас разразится большой скандал.

– Завхозом?

Школьный охранник повернулся ко мне.

– Нашим завхозом?

– Да, вашим...

«Маршал» долго ощупывал меня взглядом, словно искал деревню Сосновка на карте Франции и сомневался, в правильном ли направлении водит по ней пальцем.

– Но... это не завхоз!

Трое бандитов уставились на меня.

– А кто же?

– Не знаю, завхозом у нас работает совсем другая женщина. Мы только что с ней разговаривали.

Я решила, что молчать больше нельзя. Даже хорошо, что появился посторонний человек – при нем бандиты не будут палить по мне и моему клиенту.

– Минутку! – Я миролюбиво приподняла руки. – Согласна, что я не работник школы, но эти люди тоже не те, за кого себя выдают.

– Как это понять? – удивился охранник.

– Они преследуют одного человека и даже пытались в него стрелять. Посмотрите на зеркало заднего вида – в нем отверстие от пули.

Я шагнула к машине и указала на след.

– Все правильно! – заявил Пелешенко. – Мы преследуем преступника, к нам поступила ориентировка.

– Станный способ преследовать преступника! – усмехнулась я. – На черном джипе и белой «Ниве», принадлежащих частным лицам. К тому же удостоверение есть только у одного из них – господина Пелешенко, остальные такие же милиционеры, как мы с вами буддийские монахи.

– Так это твоя машина? – угрожающе спросил Пелешенко.

– Да, моя!

– А где же тот парень?

– Понятия не имею и весьма рада этому факту.

– Тогда я задерживаю вас за укрытие преступника.

– А я и не собираюсь задерживаться, считая вас одной бандой.

Школьный охранник вертел головой, ничего не понимая.

– Погодите, я что-то никак не разберу – черные джипы, преступники, буддийские монахи – что, черт возьми, происходит?

– Разбираться будем мы, дорогой товарищ! – ответил продажный мент, и в его руках появился пистолет, который был направлен прямо на меня.

Круглолицый с товарищем по банде последовали его примеру и вытащили свои пушки. За компанию на мушке оказался и охранник из «Маршала».

– Минутку! – воскликнул раздосадованный представитель школьной безопасности. – Не забывайте, что вы – на территории школы, а здесь находиться с оружием запрещается!

Бедный охранник сам был не вооружен и теперь, естественно, горько пожалел об этом. По выправке в мужчине можно было признать бывшего военного, имевшего до ухода на пенсию собственное табельное оружие, которое сейчас пришлось бы ему как нельзя кстати. И он наверняка почувствовал, что здесь дело нечисто и перед ним не сотрудники милиции, а жулики со стволами.

– Отправляйся по своим делам, фраер! – рявкнул на него Пелешенко. – И не вздумай шум поднимать – пуля и для тебя всегда найдется.

Однако охранник не уходил. Он стоял, словно вросший в землю, исподлобья уставившись на черную круглую дырочку, смотрящую ему прямо в глаза. Я подумала, что раз этот человек – бывший военный, его не испугать стволом. К тому же надо выполнять свои обязанности – охранять школу.

– Ну! – прикрикнул Пелешенко.

И в этот момент что-то пронеслось в воздухе; я увидела, как неизвестно откуда появившийся Николай Лосев налетел на круглолицего, тот не удержался, толкнул своего приятеля с лицом цвета картошки, а я, увидев такой поворот событий, молнией подлетела к Пелешенко и сверху ударила его по руке, в которой он держал пистолет.

Но мент оказался тертым калачом: тут же сильно оттер меня локтем и кинулся к упавшему в песок пистолету.

Я не стала ждать, пока он снова будет вооружен, и поддела его носком ботинка, который попал ему как раз в грудную клетку.

Пелешенко рухнул на колени и зашелся в кашле. Я нагнулась, запустила пальцы во внутренний карман его пиджака и выхватила записную книжку – не нужен ему номер моей машины.

Затем подскочила к круглолицему и опустила руки, сложенные в замок, прямо ему на четвертый позвонок. Этот прием срабатывает безукоризненно – противник теряет сознание и падает мордой в пыль.

Третий бандит схватился с охранником, видимо, подумал, что самая большая угроза исходит именно от него, а не от меня.

Может, это и было правильно, потому что, повозившись немного, мужчина с седыми висками повалил его на живот и, упираясь коленом в позвоночник, уже заламывал ему руку. Бандит в бессилии зарычал, обнажив прокуренные зубы.

– Быстрее в машину! – крикнула я Лосеву.

Тот кинулся к «Фольксвагену» и опять запрыгнул на сиденье пассажира.

Я спокойно вставила ключ в замок зажигания и запустила стартер. Если потребуется, я колесами передавлю всех этих гадов!

Охранник продолжал удерживать в позе распятой ящерицы бандита, и в этот момент Пелешенко подхватил упавший в песок ствол и выстрелил в мужчину. Тот схватился рукой за левую ключицу, на форменной одежде тут же стало расплываться красное пятно.

Я подала машину назад, затем бросила ее вправо. Мент едва успел откатиться в сторону, круглолицый, который вскочил на ноги, отлетел прочь в поисках спасения от колес моего автомобиля.

Мы выскочили на школьный двор, стараясь объехать взрослых и детей, стоявших на площадке. Небольшая толпа с визгом разбежалась в разные стороны, в ужасе наблюдая за маневрами «Фольксвагена».

Собственно, никаких маневров не было и в помине. Просто мы собирались исчезнуть как можно скорее, подальше от посторонних глаз.

Но для этого надо было еще вырулить на проезжую часть.

Прямо по курсу маячил черный джип, загромождающий выезд, и мы мчались прямо на него.

Левая передняя дверца джипа была открыта, и мы видели парня, сидевшего за рулем.

Водитель, открыв рот, не сводил с нас своего взгляда. Он видел, что я не собираюсь сворачивать, и, естественно, перепугался за свою дорогую шикарную тачку.

Он стал запускать двигатель, чтобы убраться с дороги, но никак не мог его завести.

Парень позеленел от страха: до столкновения оставались считанные секунды и несколько метров. Ему все равно, куда было подавать – назад или вперед – лишь бы убраться с пути сумасшедшего «Фольксвагена».

Раз-два-три!

Я резко бросила руль влево, объехав джип в пяти сантиметрах от его заднего бампера и снеся при этом невысокий металлический заборчик, откружавший школьный двор.

– Черт! – выдохнул Николай, вжавшись в сиденье.

– Спокойно!.. – произнесла я, сжав губы.

Знай наших!

Еще секунда, и мы уже летели по дороге в неизвестном пока направлении.

Глава 4

Случай, который постучался в дверцу моего автомобиля, был настолько необычен, что я хочу более подробно рассказать читателю о приключениях Николая Лосева, потому что мне лично было очень интересно все, что касалось моего клиента. И не нужно думать, что Евгения Охотникова тут вроде бы ни при чем. Я внимательно слушала и удивлялась фантазии человека, который сумел организовать необычный «бизнес», о котором речь впереди. То, что я услышала, было похоже на детективную повесть, и уверена, что читатель с интересом узнает о приключениях школьного учителя, превратившегося в...

Но... обо всем по порядку.

Идея, которая пришла в голову Николаю Лосеву, была проста, как жареный цыпленок, и вместе с тем опасна, как гильотина.

Она влетела в голову Николая с разрушительной силой противотанкового снаряда и засела там надолго. Это случилось однажды утром, когда Николай (простите, друзья, за пикантные нескромные подробности) пошел в туалет. Он всегда делал это по утрам, как и положено это делать тренированному и хорошо отлаженному организму, потому что кишечник дает о себе знать именно в период с семи до девяти утра.

Впрочем, этот факт можно не принимать во внимание, если вы того не желаете.

Слушая Николая и пытаюсь разгадать значение этого бреда, я подумала: а почему, в самом деле, очень плодотворные по меркам человечества мысли приходят порой именно в туалете? Жаль, что в разведшколе не давали ответа на этот вопрос, хотя он немаловажен. Мои же мозговые извилины подсказали вот что: говорят, свято место пусто не бывает, поэтому когда из тебя выходят разные там... фекалии, то эту пустоту надо чем-то заполнить, и заполняется она нередко духовной пищей, что само по себе не так уж и плохо.

Духовная пища – дело хорошее, но временами хочется кушать по-настоящему, а тот мимолетный кошмар, который привиделся Николаю во время сидения на унитаза, намекал на приличные деньги, с помощью которых можно есть не только алюминиевой ложкой, но и серебряной вилкой, и не только во время завтрака, но и в любое другое время суток.

Короче, идея, пришедшая в голову учителю физкультуры, заключалась в шантаже. Но не простом, а с далеко идущими последствиями.

Шантажировать Николай собирался не просто кого-то, а членов криминальных структур, причем с солидными фактами в руках. Благодаря им крутых ребят можно будет засадить за решетку на долгие годы. Как говорится, счастья им и здоровья.

Теперь о деталях. Кто для разных там преступных элементов является самым нежелательным лицом?

Конечно же, свидетели! Только они могут подтвердить, что в ту или иную минуту ты выходил из квартиры погибшего с окровавленным томагавком в руках и со свежим скальпом за поясом.

Единственный росчерк пера на какой-то вшивой бумажонке, имеющей название «Протокол», – и любитель фильма «Байки из склепа» оказывается в тюрьме.

Хотя нет, зачем рассекречивать себя раньше времени и мелькать словно рекламный ролик? Достаточно сделать анонимный звонок по телефону в городской отдел милиции с указанием некоторых сведений типа: там-то и там-то спрятан труп жертвы, а в таком-то месте следует искать орудие преступления, и если вам интересно, то убийцу следует искать по такому-то адресу.

Наверняка люди в погонах заинтересуются подобной информацией, примут ее к сведению и незамедлительно займутся проверкой фактов. А там, глядишь, и раскрываемость резко повысится, что, естественно, не устроит криминальные круги.

Но это в том случае, если переговоры зайдут в тупик и другая сторона не пожелает пойти на разумную компенсацию, если кровожадный убийца окажется жмотом и не отстегнет свидетелю происшествия тыщонку-другую долларов, что для него – не такой уж и большой убыток.

В милицию дядя не пойдет, потому как наряду с заявлением о попытке шантажа ему придется рассказать о предмете обсуждения. Корешам тоже нет смысла докладывать подробности, чтобы не подняли на смех. Так что молчание фирмой гарантируется.

Тем не менее, шила в мешке не утаишь, и, несмотря на запретность темы, постепенно поползет слух, что с таинственным вымогателем шутки плохи и лучше вовремя заплатить, если не хочется провести несколько лет в обществе, где основным видом развлечения является мужеложество. Так что отказов быть не должно.

Теоретически.

Единственное, что смущало Николая, это то, что преступники – люди прожженные и, не желая так сразу смириться с подобным положением, захотят немедленно найти наглого беспринципного вымогателя и наказать его.

То есть попросту убить. Взять и стукнуть по голове чем-нибудь тяжелым или выстрелить сначала под лопатку, а затем в голову – для верности.

Ни то, ни другое Николая не устраивало, потому что прежде необходимо было разработать целую систему собственной безопасности, которую следовало обмозговать сразу, как только вышеупомянутая идея прочно проникла в его сознание.

В том, что преступники немедленно попробуют разыскать его и ликвидировать, Николай не сомневался. Поэтому он избрал для себя главный принцип поведения – никогда не жадничать. Недаром говорят в криминальном мире: жадность фраера сгубила. Нельзя превращать свое «свидетельство» в средство неумной наживы, а потому начинать новое «дело» следует только тогда, когда последний рубль уйдет из кармана.

Второй аспект не мог не задевать моральных устоев школьного учителя. По сути, Николай становился если не соучастником преступления, то лицом, скрывающим от следствия факты!

Если основательно подумать и взвесить, то деяние сие также оказывается уголовно наказуемым, о чем свидетельствует соответствующая статья в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Так что бегать придется и от закона, и от бандитов. Хотя «другие» должны понимать, что в нынешнее жуткое время быть свидетелем просто невыгодно. Памятник тебе не поставят, денег не дадут, а вот крутые неприятности в виде одинокого трупа на городской свалке сами отыщут тебя.

И опять же существует нешуточная вероятность превратиться в «жмурика».

И Николаю тут же захотелось отказаться от мысли зарабатывать деньги в должности свидетеля, но в голову вовремя пришла мудрая мысль, что большие деньги легким путем никогда не достаются и что всегда приходится чем-то рисковать.

Конечно, работа охранника в фирме могла показаться более серьезной, но ведь и там не слишком-то большие заработки. Куш в тысячу-другую «зеленых» – более весомый аргумент в пользу рэкетного «бизнеса». К тому же нельзя забывать, что у Лосева был страшный комплекс, заключающийся в аллергиях на лица хулиганов. Совсем иное дело, когда за ними подглядываешь в щелочку: ты их видишь, а они тебя – нет.

Николаю уже грезились голубенькие российские пятидесятирублевки, в пересчете составлявшие тысячу баксов по курсу ММВБ, – хорошо еще, что существует курс, на который можно ориентироваться. Вместо курса на коммунизм теперь существует курс на доллар. Раньше народ слушал радио и с одобрением внимал информации о новых свершениях советской экономики. Теперь же главная новость СМИ – это курс рубля по отношению к доллару. Или наоборот – курс доллара по отношению к рублю. Ни то ни другое сейчас не радует.

* * *

Николай в порядке репетиции решил начать с мелочевки – охоты на хулиганов и воришек, не трогая пока крупных дельцов и мафиози. Вполне разумно сначала потренироваться на более простом и ординарном, а уж потом, повысив свою квалификацию, переходить к более сложным случаям. Конечно, у хулиганов трудно отнять тысячу долларов, потому что их доходы в последнее время резко сократились, и на первых порах придется довольствоваться малым. Зато потом...

Потом наступит коммунизм в отдельно взятой квартире: каждому по потребностям. В разумных пределах, конечно, ведь и тут появятся свои ограничения и исключения. А где их нет?

Для первой операции Николай наметил двух молодых людей, целыми днями просиживающих на скамейке во дворе соседней девятиэтажки. Интуиция подсказывала ему, что ребята не так просты, как кажутся окружающим, что рыльце у них в приличном пушку и показушное ничегонеделание – тоже неспроста. Даже если один по каким-то, не выясненным пока причинам отсутствовал, другой обязательно торчал на виду у всех, дымя сигаретой «Петр Первый».

Оба явно нигде не работали и в то же время были сыты, обуты и пахло от них дорогим импортным пивом.

Один был небольшого росточка, с белокрысым ежиком и круглыми ноздрями; другой, наоборот, был темноволос, смуглолиц, с зыркающими на вытянутом лице карими глазами.

Первым делом Николай выведал имена парней, их адреса и номера телефонов. Затем установил наблюдение, пользуясь тем, что у безработных все-таки много свободного времени.

Через неделю после того, как Лосев уже отчаялся было отыскать какой-либо криминал в действиях своих подопечных, за исключением нанесения вреда окружающей среде в виде затертых на асфальте окурков и размашистых плевков, парни вдруг начали действовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.